

ИПЬЯ РОДНОВ
ПАКТ О Мире

Илья Роднов

Пакт о мире

<https://litres.ru/74418842>

SelfPub; 2026

Аннотация

2083. Мир, каким его знали, сгорел в ядерном пламени. Выжженная, продуваемая радиоактивными ветрами Мёртвая земля разделяет города-крепости, где теплится жизнь, гниющая и цепкая. Связь между ними поддерживают только Посыльные — те, кому нечего терять. Они выходят за ворота, зная, что обратная дорога может оказаться последней.

Алексей помнит мир до войны. Дмитрий родился в бетонных тоннелях и верит только в оружие. Судьба сводит их вместе, чтобы они прошли через пустошь с конвертом, на котором — белый голубь. Пакт о мире. Документ, способный остановить войну.

Они несут его сквозь засады, погони и кровь. Готовые умереть ради надежды.

«Пакт о мире» — роман о людях, которые потеряли всё, но продолжают идти вперёд. О вере, которая сильнее страха. И о том, что даже в самом сером мире может мелькнуть белый голубь.

Илья Роднов

Пакт о мире

Пакт о мире

Глава 1. Пепел и Стены

2083 год. Мир, каким его знали когда-то, превратился в миф, рассказываемый шепотом у ржавых вентиляционных шахт. Всё началось с дефицита ресурсов и ископаемых, потом стали исчезать жизненно необходимые элементы, а далее — ядерный огонь. Он не просто стёр с лица земли государства — он выжег саму концепцию будущего, саму идею существования человечества. Борьба за остатки средств к существованию очень быстро переросла в настоящую долготную войну. И как итог — небо над планетой навсегда затянулось свинцовой пеленой, сквозь которую солнце проступало лишь грязно-багровым пятном, похожим на воспалённый глаз.

Те, кому посчастливилось уцелеть, заперлись за неприступными стенами железных городов. Каждая уцелевшая агломерация теперь напоминала гигантский, уродливый улей, намертво вклеенный в мёртвую землю. Новирск, Баград, Красная-Крепость. Циклопические железные плиты, сваренные из остовов линкоров, бронированных поездов, железных мостов, щедро залитые кашеобразным бетоном. Крепости уходили в небо на десятки метров. Но за этими стена-

ми теплилась жизнь, гниющая, обречённая и лживая. В больших крепостях ещё было редкое электричество, вырабатываемое старыми потёртыми генераторами. Было топливо. За время большой войны некоторым учёным удалось разработать формулу синтетического бензина, но и его не было в достатке. Нужны были ресурсы. В основном в города их заносили Собиратели или кочевые торговцы. Но желающих часто рисковать своей шкурой было очень мало. Поэтому тех, кто выходил за ворота крепостей в поисках наживы, считали истинными героями. Была в крепостях и чистая вода, добываемая кустарными фильтрами из озёрной воды или других природных источников. Был хлеб, испечённый из синтетической муки, была еда. Неживая. Ненстоящая. Синтетическая. Но это было лучшим решением, чем добывать остатки продуктов на отравленной земле, подвергая себя постоянно-му риску. Урожай тоже не приживался: всё, что было закопано в безжизненную землю, оставалось в ней навсегда.

На Мёртвой земле существовало небольшое количество крупных крепостей и несколько небольших укрытий. К крупным относились — Баград, Красная-Крепость, Екатерина, Тольск и Сахлин. Остальные вроде — Новирска, Вронска, Варграда и Ивска — существовали на грани выживания, пока в крупных крепостях было всё в относительном достатке.

В больших крепостях существовала строгая иерархия — Правящие, Воители, Торговцы, Учёные, Рабочие. И падаль.

Так называли людей, которые ютились в гротах под городами, добывая себе пропитание незаконными путями.

В малых крепостях было простое правило: что есть у тебя — то есть и у остальных.

Постоянная вражда между крепостями заставляла укреплять свои жилища и искать возможные пути отхода. Мелкие поселения часто подвергались атакам как со стороны воителей крепостей, так и со стороны кочевников. Уносили всё — провизию, топливо, металл и главную валюту — микросхемы. Людей не жалели. Убивали всех, кто попадался на пути. Лишние рты никому не были нужны. Исключением были только учёные — они были жизненно необходимы.

За стенами простиралась Мёртвая земля. Бескрайняя, выжженная, продуваемая радиоактивными ветрами. Здесь не было законов. Здесь правили кочевники — безумцы на модифицированных машинах, обшитых бронёй из дорожных знаков и человеческих костей. Лохматые, немытые, со злыми глазами — они больше напоминали мутировавших зверей. Действовали стайно. Нападали на любые мелкие поселения одним мощным рывком, унося с собой всё: воду, топливо, жизни. В городах ходили слухи, что кочевники не брезговали каннибализмом. Но достоверно сказать никто не мог, потому что не было таких, кто выживал после встречи с ними. Палачи Мёртвой земли — так они себя называли. И это было самое точное определение.

Внутри Новирска жизнь была тяжёлой, пропитанной за-

пахом озона, пота и дешёвого суррогатного алкоголя. Уровни города уходили глубоко под землю, где гудели мини-реакторы и ютились люди, никогда не видевшие горизонта. Вся их жизнь состояла из поиска редких минералов, которые с лёгкостью превращались в продукт торговли либо использовались в научных целях.

Дмитрий стоял в тесной лавке на Пятом Уровне, вдыхая запах машинного масла и плесени. Прилавок был завален ржавым хламом: полураскрытые консервные банки, мотки медной проволоки, потускневшие патроны и бутылки с пожелтевшей водой.

— Два угольных фильтра и банку тушёнки, — хрипло бросил Дмитрий, выкладывая на прилавок горсть микросхем от старых магнитол.

Продавец, горбатый старик по прозвищу Жадыч, с одним стеклянным глазом, долго осматривал схемы, сплёвывая в сторону и что-то бормоча себе под нос.

— Фильтры подорожали, паренёк, — прошипел торговец, не поднимая взгляда. — Пыльные бури чаще стали, вот и спрос. Тушёнка — это вообще роскошь. Свинина, между прочим. Настоящая.

— Не гони, — Дмитрий устало опёрся локтями о прилавок. — Я знаю, что это крыса. Мутировавшая крыса, как и ты. Давай фильтры, пока я не передумал.

Старик злобно зыркнул единственным живым глазом, но молча сгрёб микросхемы и выложил на стол потёртые, за-

клеенные скотчем фильтры.

Дмитрий забрал товар, не сказав ни слова на прощание. Он вышел на узкий металлический балкон, глядя вниз, в бездну центрального ствола города, где в вечном полумраке жили сотни таких же, как он, — загнанных, злых, живущих только ради следующей пайки. Ему было двадцать, но в отражении мутного стекла он видел лицо сорокалетнего измученного жизнью мужчины.

Глава 2. Тени Прошлого

Нужна была связь. Крепости иногда торговали — обменивали ржавое железо на чистую воду, патроны на семена, учёных на лекарства. Они делились новостями, передавали предупреждения. Но радиоволны тонули в помехах — густых, шипящих, будто кто-то на том конце провода дышал в микрофон мёртвым ртом. Спутники давно превратились в космический мусор, и иногда ночами, когда небо было особенно чёрным, можно было увидеть, как одна из таких мёртвых звёзд срывается с орбиты и сгорает в атмосфере — короткая, бессмысленная вспышка, после которой оставался только пепел и тишина.

Единственным способом передать слово оставались Посыльные.

Их называли по-разному: «серыми», «безмолвными», «теми, кто ходит между». Но чаще — просто Посыльными.

Молчаливые, отчаянные, почти нечеловеческие в своём терпении курьеры, пересекавшие Мёртвые земли пешком или на редких, ревущих, как раненые звери, вездеходах. Они не выбирали этот путь — путь выбирал их. Говорили, что в Посыльные идут те, кому уже нечего терять: бывшие воители с выжженной душой, учёные, знавшие слишком много, отцы, не сумевшие спасти своих детей, и матери, чьи колыбели давно опустели. Мёртвые земли принимали только таких. Тех, у кого внутри уже была своя тишина. Пустота.

Они видели то, чего не замечали другие. Их уши улавливали звуки, которые для обычного человека были ниже порога слышимости — шорох песка за километр, далёкий скрежет металла, дыхание ветра в руинах. Их взгляд цеплялся за детали, которые обычный мозг отбрасывал как неважные: чуть примятая трава, странный оттенок ржавчины на обломке, след, оставленный не тем. Они умели читать землю, как слепые читают шрифт Брайля — кончиками пальцев, кожей, нутром.

Их снаряжение было аскетично и продумано до жестокости. Лёгкий плащ из ткани, которая не отражала ни свет, ни тепло. Маска, закрывающая нижнюю половину лица — не от радиации, не от пыли, а от привычки не оставлять следов даже собственным дыханием. На поясе — фляга с йодированной водой, нож с рукоятью из кости неизвестного зверя, и маленький, странный предмет, который каждый Посыльный носил с собой: кусок обычного зеркального стекла, оправ-

ленный в медь. Говорили, что они смотрят в него перед каждым привалом — чтобы убедиться, что в отражении всё ещё человек.

К Мёртвым землям они относились с той странной, почти религиозной осторожностью, с какой верующие входят в храм. Они не болтали по пустякам. Никогда не называли вслух мест, которые пересекали. Имя, произнесённое в Мёртвых землях, могло отозваться эхом там, где его не ждали. Это знали все.

Посыльные имели Первый уровень допуска. Это значило, что для них не существовало закрытых дверей. Любое укрепление — от крошечного форпоста на краю Солончаков до огромной Красной-Крепости — было обязано открыть им ворота, накормить, дать отдохнуть, не задавая вопросов. Никто не имел права спросить Посыльного, откуда он пришёл и что несёт. Никто и не желал задерживаться с ними рядом надолго. Группы Воителей, прочёсывавшие окрестности, были обязаны оказать им любую помощь — обеспечить охрану от нападения Кочевников, помочь лекарствами и поделиться топливом, при необходимости и возможности. Это было не правило. Это был закон, вписанный не на бумаге, а в самом воздухе Мёртвых земель.

Но была и обратная сторона. Люди смотрели на Посыльных с тем странным чувством, в котором уважение сплеталось с суеверным страхом. Им не подавали руки — не потому, что остатки радиации могли покрывать их одежду, а по-

тому что ходили слухи: тот, кто слишком часто ходит между, перестаёт быть полностью человеком. Говорили, что у некоторых Посыльных тени двигались с опозданием на долю секунды. Что они не оставляли следов на мягкой земле. Что однажды один из них пришёл в крепость в лохмотьях, с обугленным лицом и с сообщением, которое было написано человеком, умершим пятьдесят лет назад.

Сами Посыльные не слушали суеверия, не обращали внимания на пугливый шёпот у себя за спиной. Они просто делали свою работу. Принимали запечатанный тубус и уходили в серую дымку горизонта. Иногда они возвращались. Иногда — нет. И тогда в крепостях на три дня на воротах вывешивали чёрную ленту — не в память о конкретном человеке, а в память о том, что Мёртвые земли снова взяли свою плату.

Алексею стукнуло шестьдесят два — немыслимый возраст для их ремесла. Седая борода, глубокие морщины, шрам через всю левую скулу и удивительно спокойные, почти ироничные глаза. Он помнил мир до войны. Он помнил весенние парки, шорох страниц в библиотеке, вкус свежей клубники и смех. Когда небо вспыхнуло...

...Сон был тёплым и липким, как мёд. Я видел наш двор, деревянные качели и рыжего кота, который всегда прятался под крыльцом. А потом кот исчез, и вместо него пришёл звук. Низкий, тягучий, он просачивался сквозь стены, сквозь подушку, сквозь веки. Я не знал тогда, что это такое. Я просто хотел, чтобы он замолчал.

— Алексей! Вставай! Быстро!

Мамин голос резал темноту. Я ещё не открыл глаз, но уже чувствовал, как она трясёт меня за плечо — рывками, больно, не так, как обычно. Обычно она гладила по голове, шептала: «Сынок, пора в школу». Сейчас она кричала. Я никогда не слышал, чтобы она так кричала.

Я открыл глаза. В комнате горел только ночник — жёлтый, тусклый круг на потолке. Мама стояла надо мной в ночной рубашке, босая, с распущенными волосами, и в её лице было что-то чужое. Она рывком стащила с меня одеяло.

— Одевайся! Слышишь? Надевай всё, что есть!

— Мама, зачем? — спросил я, ещё не понимая.

Она не ответила. Она уже швыряла в меня свитер, штаны, варежки — всё, что попадалось под руку. Пальцы её дрожали. Я вдруг заметил, что она плачет, и от этого мне стало страшнее, чем от того гула за окном.

В коридоре грохотал отец. Я слышал, как он опрокинул стул, как выдвигал ящики письменного стола, как сыпались на пол монеты и бумаги. Он ругался — глухо, матом, которого я никогда от него не слышал. Потом он вбежал в комнату, держа в руках старый кожаный чемодан — тот самый, который мы брали с собой на море. Но сейчас он был не на море. Он был дома, в три часа ночи, и в него летели документы, пачки денег, какие-то свёртки.

— Обувай его, — бросил он маме, даже не взглянув на меня. — Бежим.

Мама натянула на меня сапоги — не те, зимние, которые мне купил папа в большом универмаге, а какие-то лёгкие, осенние, но я не успел возразить. Она схватила меня за руку, и мы выбежали в подъезд. Там уже пахло гарью и чужим страхом — соседи метались по лестнице, кто-то плакал, кто-то кричал.

Холод ударил в лицо сразу, как только мы выскочили на улицу. Зима. Снег, жёсткий и колючий, летел в глаза. Я не успел надеть шапку — мама держала её в руке, но не могла натянуть мне на голову, потому что держала меня на руках. Вокруг было темно, только далеко в небе горело что-то багровое, и оттуда шёл тот самый звук — низкий, гудящий, как будто земля пела похоронную песню.

Люди бежали. Все бежали. Мы — вместе с ними. Отец шёл впереди, пробивая плечом толпу, держа чемодан над головой. Мама опустила меня на землю и тащила за собой за руку. Я спотыкался, и сапоги набивались снегом.

— Куда мы бежим? — крикнул я, но ветер унёс мой голос.

— Бегом! К убежищу! — крикнул папа. — Там безопасно!

Я не знал, что такое убежище. Я думал, это какой-то дом, где дают тёплое молоко и укрывают одеялом. Я очень хотел молока.

Мы прибежали к огромному железному зданию — серому, без окон, похожему на кита, выброшенного на берег. Перед ним уже стояла толпа. Тысячи людей. Они кричали, толкались, кто-то держал детей на руках, кто-то тащил узлы

с пожитками. Вдоль стен стояли военные — в тяжёлых шинелях, с оружием, с холодными лицами. Они перекрывали вход и сортировали людей.

— Только женщины и дети! — орал один из них, хрипло, надсадно. — Мужчины — в сторону! Женщины с детьми — сюда!

Отец рванулся вперёд, расталкивая локтями чужих людей. Я видел, как он схватил маму за плечи и потащил её к узкому проходу, где стоял военный с фонарём. Я вцепился в мамину руку — она была мокрой и холодной.

— Пустите! — кричал отец. — Жена и сын! Пустите их!

Военный махнул рукой, пропуская маму. Она шагнула к дверям, и я шагнул вместе с ней. Но в тот же миг кто-то сзади толкнул нас, я потерял равновесие, рука мамы выскользнула из моей. Я упал на колени в грязный, утоптан- ный снег. Кто-то наступил мне на ногу, я закричал, но мой крик потонул в общем гвалте.

— Алёша! — услышал я маму. Она обернулась, протянула ко мне руки, но толпа уже сомкнулась между нами.

Отец рванулся ко мне — я видел его лицо, перекошенное от ужаса. Он отшвырнул чемодан, схватил меня за шиворот и поднял в воздух, как куклу. Я повис у него на руках, а он пытался пробиться к маме. Но в этот миг новая волна людей хлынула со стороны, папа передал меня какому-то военному и бросился к маме. Чьи-то чужие, сильные руки

подхватили меня и понесли вперёд, в распахнутую железную дверь. Я крутил головой, ища отца, ища маму, но видел только море лиц, только мечущиеся фонари, только чьи-то кричащие рты.

— Папа! — заорал я что есть силы. — Мама!

Меня занесли внутрь. Там было темно, сыро, пахло бетоном и чем-то кислым. Меня опустили на пол, и я упал на чей-то рюкзак. Я встал на колени и оглянулся туда, где ещё оставалась дверь — узкий прямоугольник серого света, в котором мелькали силуэты людей.

И в этот момент я услышал скрип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.